

DOI 10.35775/PSI.2025.113.1.033

УДК 321

Е.С. ПОДОБРЕЕВСКАЯ

аспирант Департамента политологии
Финансового университета при Правительстве
Российской Федерации,
Россия, г. Москва

ПОЛИТИКА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

Статья посвящена особенностям реализации политики устойчивого развития ведущими мировыми «центрами силы» – США, Европейским Союзом и Китаем – в условиях глобальных вызовов XXI века. Отмечается, что сегодня политика устойчивого развития, осуществляемая этими политическими «игроками», сталкивается как с целым рядом внутренних проблем, так и с неблагоприятными международно-политическими контекстами, обусловленными нарастанием геополитической конфликтности в современном мире. Констатируется, что в современных условиях, в ситуации кризиса западно-ориентированной и экологизированной концепции устойчивого развития, стратегически важной задачей является поэтапная выработка принципиально новой, полицентричной по своей архитектуре и конвенциональной по содержанию модели глобального развития, более полно отвечающей изменившимся политико-экономическим реалиям начала третьего тысячелетия.

Ключевые слова: устойчивое развитие, «зеленая экономика», «Новый зеленый курс», «глобальный мир», COVID-19, Европейский Союз, США, Китай.

Термин «устойчивое развитие» весьма прочно вошел в политическую жизнь мирового сообщества на рубеже XX–XXI вв. Его популяризация в глобальном масштабе была связана со сложными политико-экономическими процессами конца прошлого тысячелетия. Прежде всего, к этим процессам следует отнести завершение «холодной войны» и фактический распад биполярной конфигурации международных отношений, кризис «общества потребления» в наиболее развитых зарубежных странах, рост населения и дефицит ресурсов, все более остро ощущаемый в различных макрорегионах планеты [10; 14; 15]. Немаловажными факторами, способствовавшими формированию «дискурса устойчивого развития», его концептуализации в политическом поле, явились и такие трансграничные проблемы, как увеличение числа крупных и резонансных техногенных катастроф, слабо контролируемые миграционные потоки, а несколько позже – и угроза распространения международного терроризма.

Однако следует отметить, что в 1990-е – начале 2000-х гг. именно политический фактор стал решающим в продвижении идеологии устойчивого развития

как западно-ориентированной модели переформатирования «глобального мира», призванной, прежде всего, минимизировать многочисленные угрозы и гарантировать сохранения высокого качества жизни для стран Запада. В тот период концепция устойчивого развития, хотя и охватывала различные сферы жизнедеятельности общества, тем не менее, носила выраженный эколого-демографический характер, была ориентирована, главным образом, на проблемы охраны окружающей среды, ресурсосбережение, механизмы контроля над демографическими процессами [2; 13]. Отражением такой экологической направленности идеологии устойчивого развития явились важные международные документы – Киотский протокол и Парижское соглашение по климату.

Параллельно в научном сообществе продолжались активные дискуссии по поводу выработки более развернутого понимания термина «устойчивое развитие», которое соответствовало бы реалиям XXI века. Ученые, участвующие в данных дискуссиях, отмечали важность дистанцирования от сугубо «экологических» интерпретаций, необходимость поэтапного перехода к комплексному осмыслению устойчивого развития именно как социально политического процесса [1; 2; 12; 13]. При этом справедливо указывалось, что новый взгляд на смыслы «устойчивого развития» – и как макросоциального явления (пронизывающего все сферы жизнедеятельности современных обществ), и как политического процесса – должен опираться на выявление и учет новых угроз, с которыми столкнулось человечество [2; 13; 15]. Признавая, что сама концепция устойчивого развития тесным образом связана с экономической, информационной и политической глобализацией, исследователи указывали на востребованность более широких интерпретационных контекстов. В частности, они указывают на важность адекватной, многосторонней оценки тех новых цифровых вызовов, которые обозначились перед современным обществом в 2010-начале 2020-х гг. К наиболее значимым работам, в которых фокус внимания смещен на комплексную природу устойчивого развития, его вариативность и зависимость от многообразия сопутствующих контекстуальных факторов, следует отнести труды У. Бека [1], Т. Джексона [3], А.Д. Урсула [13], В.И. Данилова-Данильяна [2], М.В. Терешинной [12], А.Н. Чумакова [15] и др.

Теме не менее, указанные дискуссии естественно, не привели к выработке универсального определения, способного, если не унифицировать, то, хотя бы, привести к общему знаменателю понимание устойчивого развития. На наш взгляд, среди предлагаемых сегодня интерпретаций устойчивого развития как многовекторного (и априори – нелинейного) процесса, заслуживает серьезного внимания определение, предложенное В.И. Даниловым-Данильяном. Согласно ему устойчивое развитие – «такое общественное развитие, при котором не разрушается его природная основа, создаваемые условия жизни не влекут деградации человека и социально деструктивные процессы не развиваются до масштабов, угрожающих безопасности общества» [2. С. 132]. По нашему мнению, данное определение представляет ценность, как в силу своего комплексного характера, так и по причине некоторого смещения акцентов с дихотомии

«человек – природа» в сторону социальных отношений, включая негативные социальные процессы, способные нарушить устойчивость современных обществ.

Основываясь на современных подходах, представляется возможным охарактеризовать устойчивое развитие как **многофакторный, нелинейный по своей направленности процесс обеспечения развития на основе баланса всех подсистем современного общества, ключевую роль в содержании и динамике которого играет государство, его политические и административные институты**. При этом, разумеется, современное государство не выступает абсолютно доминирующим актором – монополистом повестки устойчивого развития. В существующих ныне конфигурациях государственно-общественного взаимодействия политическая власть и институты государственного управления, скорее, «задают рамки» и очерчивают национальные приоритеты развития, выстраивая при этом весьма сложные системы коммуникации (в рамках «повестки устойчивого развития») с другими заинтересованными акторами – прежде всего, корпоративным сектором и структурами гражданского общества [7; 11].

Рассматривая политический опыт реализации стратегии устойчивого развития в современных государствах (в 2010-начале 2020-х гг.), можно заметить, что стратегии движения к устойчивому развитию, их идеологические основания в политических доктринах современных государств, претерпели значительные изменения. На первый план вышли проблемы «зеленого перехода» и внедрения расширенных параметров долгосрочной социальной ответственности (ESG-принципов) в практики политического управления. Ярким отражением такого расширенного понимания феномена социальной устойчивости и устойчивого развития явилась широко известная программа «The New Green Deal» («Новый зеленый курс»), сформулированная руководством Демократической партии США в 2019 году. Указанная программа, наряду с экологической повесткой, затрагивала широкий круг социально-экономических и политических вопросов. В частности, особо отмечалась важность поддержки «бедного и цветного» населения США.

В это же время (в 2019 году) Европейская Комиссия приняла стратегию «Европейского зеленого курса», предполагающую переход к «климатически нейтральной» Европе к 2050 году. Вместе с тем, исследователи отмечают, что одной из проблем, характеризующих реализацию «зеленого курса» в Европейском Союзе, является необходимость достаточно длительных согласований. На первый план выходит поиск компромисса между различными государствами – членами ЕС, преследующими собственные экономические интересы (которые далеко не всегда совпадают с декларируемыми стратегическими приоритетами «объединенной Европы») [5]. Закономерной и очевидной издержкой межгосударственных консенсусных процедур является «отставание» общеевропейских институтов и структур управления от динамичной социально-политической повестки, замедленная реакция на многочисленные внутренние и внешние вызовы.

Подобная инерционность принятия и, тем более, реализации, стратегических решений наиболее ярко проявилось зимой-весной 2020 года, в условиях начавшейся пандемии новой коронавирусной инфекции COVID 19. Характеризуя ситуацию, сложившуюся в Европейском Союзе сегодня, Ю.Ю. Ковалев отмечает: «среди стран ЕС нет консенсуса по вопросам устойчивого развития. Это демонстрируют трудности поиска компромиссов при формулировке целей устойчивости среди 28 стран». Однако, по его мнению, «несмотря на это, Европа остается для всего мира пространством «большого эксперимента», в том числе и в области устойчивого развития» [5. С. 88].

Другой, пожалуй, еще более существенной проблемой является внутреннее социально-экономическое неравенство, различия в уровне жизни населения отдельных стран на пространстве ЕС. Это естественным образом обуславливает неравномерность развития, разные «скорости движения» государств ЕС в рамках реализации «зеленой повестки». Основываясь на данных статистики, Л. Фарниа выделяет несколько кластеров и субкластеров европейских стран по степени эффективности реализации стратегии устойчивого развития. К условному лидирующему кластеру относятся наиболее развитие в социально-экономическом плане страны «центрально западного» (Германия, Франция, Нидерланды, Бельгия), «скандинавско балтийского» (Швеция, Финляндия, Дания, Исландия, Эстония) и, во многом, «альпийского» (Австрия, Словения) субкластеров. «Второй эшелон» устойчивого развития представлен такими европейским странами, как Италия, Испания («южно-европейский субкластер»), Хорватия, Чехия («восточно-европейский субкластер»). Остальные страны «новой Европы» фактически находятся в режиме «догоняющего» и формально имитационного устойчивого развития, соглашаясь с общеевропейской «зеленой повесткой», но де-факто демонстрируя неспособность обеспечивать ее полномасштабную реализацию на национальном уровне.

Таким образом, опыт США и ряда стран Европы достаточно убедительно показывает, что «зеленая повестка», выступающая лейтмотивом (и по существу, идеологическим основанием) концепции устойчивого развития в ее глобалистском, западно-центричном прочтении, не была воспринята однозначно позитивно и стала объектом острых политических дискуссий. Прежде всего, критики «зеленого перехода» справедливо говорили о необходимости защиты национальных экономических интересов, сохранения и модернизации реального сектора национальных экономик, эффективной реализации политики занятости в условиях трансформации существующего технологического уклада. В данном ракурсе весьма показательна реакция Д. Трампа на решение администрации Дж. Байдена о возвращении США в Парижское соглашение по климату: «ужасная сделка, прокитайская, пророссийская, антиамериканская, будет стоить Америке триллионов долларов за годы».

Таким образом, противники искусственного форсирования «зеленого перехода» на Западе обращают внимание и на все еще сохраняющуюся известную узость, гипертрофированную «природоохранную» ориентацию данной

концепции (акцент на ресурсосбережение, на проблему изменения климата) при недостаточном внимании к другим вопросам. В частности, в рамках «зеленой повестки» (даже в ее современной, расширенной трактовке), если не игнорируются полностью, то находятся на периферии внимания такие острые социальные вопросы, характерные для стран «коллективного Запада», как неконтролируемые миграционные потоки, этнорелигиозная ксенофобия и вражда, деструктивное воздействие цифровой среды на массовое сознание и социальное самочувствие населения.

В ситуации кардинальных изменений политико-экономической конфигурации современного мира, кризиса западно-центричной парадигмы глобализации существенный интерес представляет опыт Китайской народной республики в сфере устойчивого развития. Активное внедрение принципов устойчивого развития в управление экономикой КНР началось еще в 1990-е гг., после подписания Декларации в Рио-де-Жанейро (1992 год). Так, в конце 1990-х гг. руководством Китайской народной республики был инициирован ряд экологических проектов, призванный обеспечить комплексную охрану окружающей среды и интенсифицировать использование возобновляемых источников энергии для нужд национальной экономики. В 2008 году в перечень приоритетов экономического развития Китая были добавлены такие показатели, как энергосбережение, сокращение объема выбросов и создание экологичной среды [8. С. 498]. При этом важно помнить, что одним из актуальных пунктов повестки развития КНР в 2010-е гг. по-прежнему оставалось сокращение бедности. В 2015–2018 гг. количество бедных граждан среди жителей сельской местности (где сконцентрирована основная масса малоимущих хозяйств) уменьшилась с 56 млн. до 17 млн. (что приблизительно равно 1,7% от общей численности аграрного населения) [8].

На сегодняшний день проблема реализации стратегии устойчивого развития в КНР представляет серьезный интерес, в том числе, в разрезе глобальной политической динамики. При этом важно, что для политического руководства Китая характерно собственное (серьезно отличающееся от западно-центричных подходов) понимание устойчивого развития, прежде всего, как стабильного, пролонгированного во времени экономико-технологического прогресса. Так, Председатель КНР Си Цзиньпин, выступая на Международном экономическом форуме в Санкт-Петербурге в 2019 году, подчеркнул, что на сегодняшний день наиболее важными факторами обеспечения устойчивого развития являются рост экономики и, в частности, производительности труда [9. С. 18].

Безусловно, следует признать: «зеленая повестка» не является системообразующим элементом политического курса современного Китая, не занимает ведущего места в выстраивании политического имиджа этой страны на международной арене (в отличие, например, от стратегии глобального позиционирования ЕС как флагмана «зеленой экономики»). И тем не менее, эксперты обращают внимание на такие направления, свидетельствующие о все более активном вовлечении КНР в международную «повестку развития», как достижения китайской экономики в области использования неуглеродных возобновляемых источников

энергии (солнечной, геотермальной, ветряной) [8]. Отдельного упоминания заслуживает «вакцинная дипломатия» Китая в 2021-2022 гг., вышедшая далеко за пределы Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), которая, безусловно, может рассматриваться как весьма успешный пример реализации гуманитарного вектора комплексной политики устойчивого развития на межгосударственном уровне.

Важно заметить что китайский подход к реализации принципов устойчивого развития отличается поэтапным характером, выраженным акцентом на экономической составляющей и сохраняющейся преобладающей ролью государства как ведущего политико-экономического драйвера, инициирующего корректировку и реализацию «повестки развития» в общенациональных масштабах [8; 9].

Важно заметить, что сегодня и принципы устойчивого развития, и тем более западно-ориентированная модель «зеленой экономики» подвергаются серьезной критике. Пожалуй, наиболее существенным вызовом для идеологии устойчивого развития на Западе стала пандемия COVID-19 [4]. Первая фаза пандемийного кризиса (весна-лето 2020 г.) отчетливо продемонстрировала слабость и неустойчивость институционально управленческих конфигураций, существующих во многих государствах «коллективного Запада» (и формально призванных отвечать за обеспечение устойчивого развития). Более того, весьма симптоматично, что большинство западных идеологов устойчивого развития оказались даже не способны идентифицировать масштаб опасности, связанной с быстрым распространением нового вируса. Подобный институционально управленческий кризис, имевший особо острый характер в структурах «объединенной Европы», породил справедливую критику, направленную, в том числе, и на западные концепции устойчивого развития. Данные концепции, будучи избыточно ориентированными на экологические вопросы, фактически оказались несостоятельными перед мощнейшим эпидемиологическим вызовом первой четверти XXI века, нанеся серьезный удар по социально-экономическому благополучию граждан государств «объединенной Европы».

Еще один момент, на который указывают критики концепции устойчивого развития (в ее западном, глобалистском прочтении), связан с тем, что политико-экономическая устойчивость (и тем более, в сочетании с долгосрочным развитием) не возможна в условиях интенсивной эскалации макрорегиональных конфликтов, в ситуации той геополитической дестабилизации, которая имеет место сегодня. При этом справедливо отмечают, что именно США и «коллективный Запад» в целом (декларируя приверженность принципам устойчивого развития и даже свое первенство в этой сфере) продолжают выступать основным генератором международной политической нестабильности, носителем стратегий «управляемого хаоса» и «гибридной войны», прямо противоречащих императиву системной устойчивости и приводящей к росту глобальной турбулентности [6].

Проведенное исследование позволяет сделать следующие основные выводы.

Во-первых, концепция устойчивого развития продолжает сохранять свою актуальность в первой четверти XXI века. Однако накопленный опыт реализации национальных стратегий устойчивого развития, равно как и кризисные тенденции трансформации современного глобального мира привели к пересмотру и расширению понимания устойчивого развития. Исходя из комплексного подхода к данному явлению, оно может быть охарактеризовано как многофакторный, нелинейный по своей направленности процесс обеспечения развития на основе баланса всех подсистем современного общества, ключевую роль в содержании и динамике которого играет государство, его политические и административные институты.

Во-вторых, в начале 2020-х гг. стал очевиден кризис западно-центричных подходов к устойчивому развитию, в основе которых лежит сочетание экологического и ресурсно-экономического императивов. Серьезные трансформации экономической и геополитической панорамы современного мира, рост глобальной конфликтности во всех ее проявлениях поставили под сомнение способность политических институтов «коллективного Запада» обеспечить социально-экономическую стабильность в собственных странах, и тем более – выступать в качестве лидеров, предлагающих некую универсальную модель общепланетарного развития. В частности, пандемия COVID-19 наглядно продемонстрировала неспособность политических институтов Европейского Союза адекватно реагировать на новые слабо прогнозируемые вызовы начала третьего тысячелетия.

В-третьих, попытки «зеленого перехода», предпринимаемые в ведущих западных странах, – США и государствах ЕС – не могут быть признаны полностью успешными. Сегодня они, помимо целого ряда политико-административных препятствий, сталкиваются с неоднозначными оценками со стороны общественного мнения, вызывают острые внутриполитические дискуссии. Такая ситуация проистекает, в том числе, из понимания гражданами этих стран того факта, что предлагаемая архитектура «зеленой экономики» не всегда соответствует национальным интересам, предполагает фактическую заморозку таких острых вопросов, как качество жизни населения, сохраняющееся социальное неравенство, отсутствие эффективных механизмов регулирования транснациональной миграции.

Таким образом, деструктивные социально-политические процессы, происходящие как на национальном, так и на международном уровне, еще раз свидетельствуют и о необходимости дальнейшего серьезного пересмотра концептуальных политико-управленческих оснований устойчивого развития, и о важности выработки более сбалансированной, полицентричной модели глобального развития, учитывающей новые международные политико-экономические реалии и адекватной ключевым вызовам XXI века.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Бек У. Что такое глобализация? 2001.
2. Данилов-Данильян В.И. Устойчивое развитие (теоретико-методологический анализ) // Экономика и математические методы. 2003. № 2.
3. Джексон Т. Процветание без роста. Экономика для планеты с ограниченными ресурсами. 2013.
4. Жильцов С.С. Пандемия COVID-19: глобальная перезагрузка политического и экономического развития // Проблемы постсоветского пространства. 2021. № 4.
5. Ковалев Ю.Ю. Политика устойчивого развития ЕС: становление, акторы, перспективы // История и современное мировоззрение. 2020. № 1.
6. Леонова О.Г. Алгоритм реализации стратегии «управляемого хаоса» // Информационные войны. 2018. № 2.
7. Подобревская Е.С. «Зеленая повестка» в политическом процессе современной России: особенности формирования // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2023. № 13 (1).
8. Политов А.К. Реализация концепции устойчивого развития в Китае // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 34.
9. Сафронова Е.И. Концепция и практика устойчивого развития: взгляд из Китая // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 3.
10. Сахроков В.А. Устойчивое развитие мировой цивилизации: проблемы и пути решения // Социальная политика и социология. 2013. № 4.
11. Студеникин Н.В. Устойчивое развитие в проектах государственно частного партнерства: преодолевая конфликт интересов // Сравнительная политика. 2015. № 1.
12. Терешина М.В., Онищенко М.В. Устойчивое развитие региональных экономических систем: проблемы институциональной динамики // Экономика устойчивого развития. 2014. № 2.
13. Урсул А.Д., Урсул Т.А. Глобальные исследования и концепция устойчивого развития // Век глобализации. 2020. № 2.
14. Ховавко И.Ю. Концепция устойчивого развития в контексте глобализации // Век глобализации. 2016. № 3.
15. Чумаков А.Н. Актуальные проблемы современной глобалистики: социо-природный аспект // Вестник Российского философского общества. 2012. № 12.

E.S. PODOBREEVSKAYA

Postgraduate student of the Department of Political Science
Financial University under the Government
of the Russian Federation,
Moscow, Russia

SUSTAINABLE DEVELOPMENT POLICY: PROBLEMS OF IMPLEMENTATION IN THE CONTEXT OF NEW GLOBAL CHALLENGES

The article is devoted to the specifics of the implementation of sustainable development policy by the world's leading «centers of power» – the United States, the European Union and China – in the context of global challenges of the 21ST century. It is noted that today the policy of sustainable development implemented by these political «players» is facing both a number of internal problems and unfavorable international political contexts caused by the increase in geopolitical conflict in the modern world. It is stated that in modern conditions, in a crisis situation of a Western-oriented and ecologized concept of sustainable development, a strategically important task is the phased development of a fundamentally new, polycentric in its architecture and conventional in content model of global development, more fully responding to the changed political and economic realities of the beginning of the third millennium.

Key words: sustainable development, «green economy», «New Green Deal», «global peace», COVID-19, European Union, USA, China.